
РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ

В. Д. КОМАРОВ

ИНТЕРЕСНЫЕ БЕСЕДЫ О РОССИИ

П. И. Смирнов. Слово о России: Беседы о русской цивилизации. СПб., 2004.

Книга петербургского социолога, профессора П. И. Смирнова вышла в свет в начале лета 2004 года относительно небольшим тиражом и широкой читательской публике мало известна. Между тем ее содержание может представить интерес практически для любого мыслящего человека в России. Ведь ее автор дерзнул ответить на скрытый вызов, брошенный Тютчевым: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...».

П. И. Смирнов считает, что Россия вполне поддается постижению умом, и ее можно измерить «общим аршином», если соотнести признаки сложившейся в ней цивилизации с общей схемой эволюции общества, которая строится на основе идеальных типов ее крупнейших этапов: *дикости, варварства и цивилизации*. В этой схеме Россия предстает страной служебно-домашней цивилизации, противоположной по своим признакам западной, рыночной цивилизации. «Общим же аршином», которым измеряется общественная эволюция, является положение человека в обществе, описываемое с помощью определенного набора понятийных средств. По изменению этого положения можно проследить эволюцию общества.

Главной целью своего труда автор ставит выявление внутренней логики развития страны примерно за последние пятьсот лет. Изложение этой логики должно способствовать прояснению русского национального самосознания, в чем автор видит свою сверхзадачу (с. 6).

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению содержания книги, отмечу два момента. Во-первых, она действительно

может быть названа «словом», поскольку представляет собой некую целостность, где научная и гражданская позиции автора объединены его эмоциональным отношением к истории страны и ее народа. Во-вторых, ее структурные главы вполне могут быть названы «беседами», так как изложены в форме внутреннего диалога автора с читателем. Методически ценно, что каждая беседа заканчивается кратким итоговым разделом.

Структурно содержание книги разделено на два цикла бесед. В первом цикле (с. 12–122) вводятся основные представления и понятия. Исходным методологическим средством является представление П. И. Сорокина о разных типах взаимодействия (интеллектуальном, чувственном и волевом), на базе которых возникают качественно различные объединения людей. Однако в книге используется иной спектр типов взаимодействия (природное, чувственное, рече-коммуникационное, деятельностное, правовое), введенный исследователями Санкт-Петербургского университета (А. О. Бороноев, Ю. М. Письмак, П. И. Смирнов). На основе этих типов возникают качественно различные объединения людей (популяция, общность, сообщество, общество в узком смысле слова, государство, социум), в которых то или иное взаимодействие оказывается ведущим. Соответственно *обществом* в узком смысле слова оказывается *объединение людей, возникающее в результате деятельностного взаимодействия*, которое и является собственно *социальным взаимодействием*.

Вторым методологическим средством является понятие *идеального типа*, введенное Максом Вебером. П. И. Смирнов намерен построить идеальные типы (модели) основных этапов эволюции общества (дикости, варварства, цивилизации), чтобы уловить общую логику этой эволюции.

Третьим важным методологическим средством является представление об основных подходах, традиционно используемых при анализе общественной эволюции.

Автор называет четыре важнейших подхода, которые можно условно назвать субстратно-технологическим, коммуникационно-техническим, корреляционным (по О. Конту) и антропо-социальным (по К. Попперу). По мнению П. И. Смирнова, наиболее адекватным следует считать именно четвертый подход, когда эволюция оценивается по изменению положения человека в обществе.

(Например, по уровню технического развития прежний СССР и США были более или менее сопоставимы. Но с точки зрения положения человека в обществе СССР явно превосходил США.)

Еще одним (четвертым) методологическим средством является вариант деятельностно-ценностного подхода, разрабатываемый уже упомянутыми Санкт-Петербургскими авторами (А. О. Бороноев, Ю. М. Письмак, П. И. Смирнов). Он используется для более конкретного описания положения человека в обществе. Суть этого подхода может быть выражена в нескольких простых предложениях: 1) общество существует на базе деятельностного взаимодействия людей (точнее, социальных субъектов), то есть на обмене результатами и продуктами деятельности; 2) стимулами деятельности являются потребности и ценности, причем ценности являются стимулами собственно человеческой деятельности, ибо потребности как стимулы деятельности свойственны и человеку, и животным; 3) в качестве стимулов человеческой деятельности ценности лежат в основе социальных систем; 4) главным стимулом деятельности людей как социальных существ является социальная значимость.

Основными разновидностями деятельности оказываются *эгодеятельность* (или деятельность для себя), *альтердеятельность* (или деятельность для другого, служение, служба) и *игра* (то есть деятельность для деятельности). В жизни деятеля (социального субъекта) эти разновидности выполняют разные функции: эгодеятельность обеспечивает существование, служба придает существованию смысл, а игра приносит в существование радость, веселье. Эгодеятельность и служба являются постоянно необходимыми разновидностями деятельности. Любое общество существует на их сочетании, причем преобладание одной из них определяет тип общества.

Что касается *социальной значимости*, то она означает способность оказывать воздействие на ход событий в обществе. Противоположное понятие – социальное ничтожество. Люди «в норме» избегают социального ничтожества и стремятся к социальной значимости. На уровне обыденного сознания они не слишком отчетливо понимают свое подлинное стремление и ориентируются на более доступные их восприятию ценности, которые далее называются модусами (то есть формами проявления или существования) социальной значимости. Обладание ими, например властью или богат-

ством, заметно увеличивает способность человека влиять на ход событий в обществе. Деятельность по достижению социальной значимости – основной источник энергии эволюции общества, поскольку в результате достижения конкретными людьми отдельных модусов меняется вся система деятельностного взаимодействия – основа социальной структуры.

Общество контролирует доступ к модусам значимости с помощью двух принципиально отличных друг от друга способов социального признания. Первый способ – *личная экспертиза*. В этом случае собрание правомочных судей (экспертов) признает право конкретного индивида на обладание определенными ценностями. Второй способ – «*безличный*» (или *рыночный*). В нем процедура социального признания сводится к акту купли-продажи. Если продукт или рабочая сила данного человека признаны рынком, то тем самым в известной мере признана и его социальная значимость. Для рынка конкретный человек сам по себе безразличен и оценивается только как носитель социальной функции (товаровладелец или товаропроизводитель).

Исходя из представления о социальной значимости, в книге приведена система основных ценностей общества, состоящая из пяти групп. Но в рецензии мы упомянем только о двух группах. Ядром всей системы ценностей признаются модусы социальной значимости, в краткий перечень которых входят: *святость* (праведность, духовность), *знание* (информация), *слава* (популярность, известность), *мастерство* (профессионализм), *хозяйство* (дело, предприятие), *власть*, *богатство* (капитал, состояние). Кроме того, в систему ценностей входят и высшие общечеловеческие ценности. Ими являются: *мыслящий дух (Бог)*, *общество*, *личность*, *человечество*, *человек*, *природа*. Любая из названных ценностей может быть положена в основу общества, но наиболее вероятными в качестве подобной основы оказываются *общество* и *личность*.

Наконец, пятым методологическим средством оказывается сформированное на основе взглядов М. Вебера представление о двух типах хозяйства – *домашнем* и *рыночном*. Они различаются целью производства: домашнее хозяйство ведется для непосредственного удовлетворения потребностей самих производителей, рыночное – для получения прибыли (с. 30–81).

Изложенные методологические средства позволяют автору построить идеальные типы основных этапов эволюции общества: *дикости, варварства и цивилизации*.

Основными признаками дикости как идеального типа оказываются следующие. Общество является доминирующей ценностью. Модусы значимости, доступные людям на основе служебной деятельности, – власть (фигура вождя), святость (шаман), мастерство (мастер, часто кузнец). Господствующая процедура социального признания – личная экспертиза. Хозяйство – домашнее. Общество на этой стадии может находиться неопределенно долго.

Предпосылкой перехода к варварству служит укрепление коллективной памяти. Своеобразным мостом или каналом прорыва на эту стадию со стадии дикости оказывается модус славы, ибо в деятельности по ее достижению гармонично сочетаются служебная (жертвенная) деятельность и эгодеятельность, а в систему общественных ценностей проникает личность. Далее на основе эгодеятельности становятся доступны остальные модусы – богатство, хозяйство, знание (платные учителя), власть (феномен тирании), святость (отшельники, занятые личным спасением). Возникают рыночное хозяйство и рынок как процедура социального признания.

В целом, стадии варварства присущи: 1) обе высшие общечеловеческие ценности – общество и личность; 2) обе разновидности объективно-необходимой деятельности, причем модусы доступны на основе обеих разновидностей; 3) обе процедуры социального признания – личная экспертиза и рынок; 4) оба типа хозяйства – домашнее и рыночное. Однако отношения между этими феноменами не упорядочены, в обществе царит хаос, и единственным средством поддержания минимального порядка в нем является насилие, которое тоже практически не упорядочено.

Насилие влечет громадные социальные издержки, это «затратное» средство. Необходимость уменьшить издержки толкает общество на стадию цивилизации, то есть к такому его состоянию, когда высшие общечеловеческие ценности, разновидности деятельности, процедуры социального признания, модусы значимости, типы хозяйства и другие вторичные признаки согласованы между собой. В этом случае необходимость в насилии резко уменьшается, а его применение становится упорядоченным.

В результате становится возможным возникновение двух видов цивилизации – *служебно-домашней* и *рыночной*. В первом случае все признаки согласуются с ценностью «общество». Свое наименование она получает в силу того, что служебная деятельность в ней оказывается доминирующей, а ведущим типом хозяйства – домашнее. Во втором случае ведущей ценностью оказывается личность. Рыночной эта цивилизация называется потому, что доминирующая в ней эгодеятельность выступает в обличье рыночной, хозяйство по типу также рыночное, да и рынок как процедура социального признания оказывается доминирующим. Но еще до формирования одной из двух названных цивилизаций, на стадии перехода к ним, возможно некоторое уменьшение насилия в случае возникновения «цивилизованного сообщества» или «напряженной цивилизации».

Цивилизованное сообщество складывается на базе рече-коммуникационного взаимодействия (общего разговорного или «священного» языка), общих религиозных представлений и, часто, общего «учителя нравственности» (христианское, буддийское, мусульманское и т. п. сообщества). Отношения между людьми внутри подобных сообществ значительно мягче, нежели отношения с «чужими». Напряженная цивилизация складывается тогда, когда правящая группа лиц (меньшинство) выступает по отношению к большинству с позиций эгодеятельности, а большинство вынуждено «обслуживать» меньшинство (выступать с позиции служебной деятельности). Насилие здесь может быть достаточно велико, но оно упорядочено.

Что касается двух названных выше цивилизаций, то автор сводит их признаки и свойства в таблицу (с. 110), где указаны соответственно признаки и свойства служебно-домашней и рыночной цивилизаций.

Комментировать все из них в рецензии нет возможности, поэтому остановимся только на двух: скорости развития и длительности существования, которые являются важнейшими для оценки перспектив развития человечества.

Служебно-домашняя цивилизация развивается медленно, что обусловлено двумя причинами: 1) консервативностью служебной деятельности (она меняется медленно) и 2) слабым источником энергии развития общества, то есть свободной деятельности личности, стремящейся к социальной значимости. Но в силу этих же причин ее существование может длиться неопределенно долго

(Древний Египет в период правления фараонов). Напротив, *рыночная цивилизация* может развиваться чрезвычайно быстро по противоположным причинам: 1) эгодеятельность способна к быстрым изменениям и 2) общество имеет мощный источник энергии развития – свободную деятельность личности, стремящейся к социальной значимости. Однако длительность существования этой цивилизации сомнительна. Ее ведущие модусы – богатство и хозяйство – требуют материального носителя. Если количество людей, стремящихся через них обрести социальную значимость, постоянно растет, а кроме того, постоянно повышается минимально приемлемый уровень богатства, то этой цивилизации для длительного существования нужны неограниченные ресурсы, что невозможно (с. 82–116).

Дальнейшее развитие (да и просто существование) общества в его современном виде, по мнению автора, зависит от решения двух главных (и для большинства неявных) проблем: 1) самореализации человека без ущерба для окружающей среды и 2) характера использования свободного времени. Обычно перечисляемые проблемы экологии и истощения ресурсов, международной напряженности, гонки вооружения, снижения уровня массовой культуры и пр. обусловлены нерешенностью двух названных проблем. Автор видит два основных сценария дальнейшего хода событий: благоприятный (но маловероятный) и неблагоприятный (но почти неизбежный).

Благоприятный состоит в неопределенно долгом движении к духовно-игровой цивилизации. Если самореализация человека в материальном мире далее невозможна, то остается мир духа, способный поглотить бесконечное количество человеческой энергии (без вреда для окружающей среды). Человечеству необходимо переключиться на духовные модусы социальной значимости – святость (праведность), знание, мастерство в духовной сфере. Высшей общечеловеческой ценностью должен быть признан мыслящий дух, а достойные человека игры занять свободное время.

Неблагоприятный означает движение к постцивилизационному варварству, когда все большую роль во взаимоотношениях между странами, народами, людьми будет играть насилие. Первопричиной возвращения к варварству будет служить отсутствие общепризнанной высшей ценности. Кроме того, стимулировать применение силы будет жажда ресурсов, свойственная рыночной цивилизации. Подобного развития событий желательно избежать, но сделать это

будет крайне трудно в силу инерции западной цивилизации, ибо нужно будет перестроить ее ценностные основания (с. 116–122).

Второй цикл посвящен непосредственно России. В нем дается описание служебно-домашней цивилизации, сложившейся в стране, раскрывается взаимосвязь особенностей развития страны и русского национального характера (последний, в отличие от рыночного западноевропейского характера, трактуется как служебно-общинный), дается оценка недавних реформ, очерчиваются перспективы развития страны и связанные с этим задачи и трудности.

По мнению П. И. Смирнова, у России (в период Киевской Руси) был шанс двинуться в сторону рыночной цивилизации, ибо российская государственность складывалась на великом водном пути из варяг в греки. Однако в результате монгольского нашествия шанс этот был утрачен, поскольку названный путь был перерезан в нескольких местах. Деятельностное единство страны оказалось практически нарушенным. Говоря же о причинах, толкнувших Россию на путь служебно-домашней цивилизации, автор отмечает такие, как внешняя опасность, слабость специализированного рыночного производства, вотчинный тип Московского княжества, духовное и практическое влияние Византии и Золотой Орды. Весь комплекс этих причин способствовал усилению струи служебной деятельности в обществе, формированию в ней хозяйства домашнего типа, доминированию ценности «общество» над ценностью «личность». Модусы социальной значимости, доступные русским людям, оказались сцепленными с функциями определенных сословий в Московском государстве. Особенно содержательна в этом отношении беседа седьмая, где речь идет о происхождении, основных ценностях и функционировании русской сельской общины (с. 124–152).

Автор отмечает ряд особенностей развития страны, связывая их с особенностями русского национального характера. Особенности развития России он считает: 1) «рваный ритм» развития (чередование периодов интенсивного развития с временами «застоя» и даже упадка), 2) неустойчивость положения в мире (периоды могущества и упадка), 3) несбалансированность по сферам жизнедеятельности (блестящие достижения в военном деле, искусстве, науке при сравнительно низком уровне хозяйства страны и невысоком бытовом комфорте), 4) непрочность достигаемых успехов практически во всех областях (с. 179).

По мысли П. И. Смирнова, национальный характер представляет собой совокупность определенных норм поведения и деятельности, типичных для той или иной нации (с. 194). Он формируется под влиянием природных и социальных факторов. Русский характер в значительной мере сформировался как социальный характер под влиянием служебно-домашней цивилизации, в русле которой страна развивалась в течение столетий, и русской сельской общины. Поэтому его можно назвать *служебно-общинным*. Национальный характер, сформировавшись, в свою очередь, оказывает влияние на развитие страны. Механизм этого воздействия двоякий: 1) отдельные широко распространенные черты характера оказывают как позитивное, так и негативное влияние на судьбу страны, особенно в критические моменты ее развития, 2) на ходе событий сказывается деятельность определенных личностных типов, занимающих господствующее положение в управлении страной (с. 200). В частности, положительно сказывался индивидуальный и массовый героизм, свойственный русским людям на протяжении всей истории страны. Отрицательно же сказались такие черты, как доверчивость и отсутствие прочного инстинкта частной собственности. После Октябрьской революции русские, поверив большевикам, согласились на национализацию средств производства, а в годы «радикальных реформ», поверив «демократам», согласились на «приватизацию», в результате которой доля средств производства, принадлежащая русским, оказалась мала несоразмерно их доле в составе населения (с. 200–208).

П. И. Смирнов уделяет много внимания духовной стороне эволюции общества. В принципе, это обстоятельство усиливает социально-философскую сторону его социологического подхода к цивилизационному процессу. Однако его суждения о «мыслящем духе» весьма отдаленно связаны с диалектико-материалистическими исследованиями в этом направлении (например по проблеме природы идеального). Опора на теоретические достижения Фрейда, Юнга, Шпета, Фромма, конечно, нужна, но гораздо существеннее связь социологического понимания цивилизации с исследованиями социального интеллекта, его роли в самоорганизации цивилизованного общества (см. философские работы Автономовой Н. С., Гайденоко П. П., Орлова В. В., Сагатовского В. Н., Комарова В. Д., Моисеева Н. Н., Михайловского В. М., Чурикова Н. М. и др.).

Что же касается деятельности личностных типов, являющихся носителями устойчивых комплексов норм поведения, то они закономерно возникают под действием *служебного и цивилизационного соблазнов*.

Всего автор выделяет пять основных личностных типов: служитель-патриот; карьерист-патриот; служитель-западник; карьерист-западник; «промежуточный тип». Механизм взаимодействия между личностями разного типа в национальной элите приводит к тому, что «карьеристы» всех мастей неизбежно оказываются наверху. В результате правящий слой перестает выполнять свои функции, и страна оказывается в ситуации кризиса или даже катастрофы. В истории России это случалось неоднократно (с. 208–223).

Что касается так называемой «перестройки» и «радикальных реформ», то, по мнению автора, они были объективно необходимы, но оказались бессмысленны стратегически (рыночная цивилизация не имеет длительной исторической перспективы) и ошибочны тактически (не расширили доступ для большинства людей к различным модусам социальной значимости – богатству, власти, знанию, хозяйству и т. п.). Ведь, как полагает П. И. Смирнов, прежнее российское общество отличалось от западного именно тем, что в рыночной цивилизации для личности эти модусы были намного доступнее. Цель реформ могла бы состоять в том, чтобы обеспечить доступ к ним большей части населения, например, справедливо разделить общественные средства производства (в социальной структуре должен был бы появиться мощный средний класс, составляющий от 60 до 70 процентов населения). Как известно, этого не случилось. Кроме того, произошедшие реформы автор квалифицирует как аморальные: ныне живущие люди оказались принесенными в жертву во имя «светлого капиталистического будущего» (с. 271–290).

Говоря о перспективах развития страны, автор отмечает, что Россия оказалась в ситуации двойного кризиса: 1) российская цивилизация проиграла соревнование с западной, 2) сама западная цивилизация не имеет перспективы длительного существования. В этой ситуации автор считает главной проблемой выживание страны в наступающем периоде постцивилизационного варварства, а приоритетной целью – сохранение русского народа, которому грозит физическое исчезновение. Важнейшим средством для реше-

ния этой и других проблем и достижения целей является формирование духовного единства нации на основе ясного национального самосознания и четкого понимания национальных интересов.

Однако для решения проблем и достижения подобных целей необходимо будет справиться с рядом трудностей. В частности, преодолеть старые и сформировать новые нормы поведения, вынудить правящий слой изменить курс реформ, преодолеть стратегическое противодействие Запада (особенно США), восстановить высокотехнологичное народное хозяйство и др. В целом, автор книги считает, что проблемы могут быть решены, цели достигнуты, а трудности преодолены, если русский народ проявит волю к жизни, свойственную ему на протяжении веков (с. 297–322).

В настоящей рецензии не ставится, конечно, задача отразить все важнейшие положения анализируемой монографии, воспроизвести аргументацию ее автора и т. д. Думается, однако, что даже краткое изложение ее содержания позволяет пробудить интерес к монографии П. И. Смирнова, аргументированно заявить о варианте научного решения затронутых в ней проблем, показать глубину и обоснованность теоретических позиций автора, нетривиальность предлагаемых им подходов и решений, определенность гражданской позиции.

Возможно, с точки зрения некоторых читателей, отдельные положения, аргументы и теоретические установки автора окажутся спорными. В этом нет ничего удивительного. Процесс постижения эволюции российского общества – исключительно трудная задача. Не стоит принимать в качестве окончательной истины аргументацию и выводы автора. Но можно утверждать, что монография П. И. Смирнова существенно проясняет научное понимание эволюции России. По уровню теоретической мысли она вполне сопоставима с идеями книг «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского и «Европа и душа Востока» В. Шубарта, но отражает не прошлое, а настоящее страны.

Уверен, что рецензируемая книга найдет своего заинтересованного читателя. Ибо она нужна обществоведам, политикам, работникам СМИ и всем тем, кому не безразлична судьба российской цивилизации.